

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В X- И Y-ЭКОНОМИКАХ*

КИРДИНА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА,

*доктор социологических наук,
заведующая сектором эволюции социально-экономических систем,
Институт экономики РАН, г. Москва,
e-mail: kirdina777@gmail.com*

В статье предпринята попытка применить принцип методологического институционализма и положения теории институциональных матриц, прежде всего о структуре X- и Y-экономик, к анализу процессов воспроизводства общественного богатства. Фактически мы идем вслед за Марксом и другими представителями классической политической экономии, которые выделяли в этом процессе воспроизводство общественных отношений. В модели экономического воспроизводства Маркс, с одной стороны, различал собственно движение благ (продуктов, работ, услуг) в их вещественном и денежном выражении и, с другой стороны, институциональные и социальные формы, опосредующие это движение в конкретных типах обществ. Это важнейшее, на наш взгляд, понимание двойственного характера экономических отношений (отмеченное позже в работах Карла Полаanyi и др.) до сих пор зачастую игнорируется в современных исследованиях. Также в статье обосновано положение о том, что выполненный Марксом анализ воспроизводства касался лишь одного частного случая – капиталистической экономики, которую мы относим к экономикам Y-типа. В отношении X-экономик аналогичный анализ воспроизводственных процессов по марксовской модели не проводился. В статье впервые показано, что в X- и Y-экономиках воспроизводство благ опирается на различные структуры экономических институтов. В качестве внешней причины, определяющей различие складывающихся институтов, предполагаются различия в климатических условиях. В доказательство этого предположения представлены результаты статистических эмпирических расчетов. Также показано, что действие комплекса различных институтов приводит к различным пропорциям в воспроизводственной сфере. Как пример, сопоставляются данные сравнительного анализа валового накопления основного капитала в странах с моделями преимущественно X- и Y-экономик.

Ключевые слова: *теория воспроизводства; теория институциональных матриц; X- и Y-экономики; институциональная теория; воспроизводство основного капитала.*

INSTITUTIONAL ORGANIZATION OF ECONOMIC REPRODUCTION IN X- AND Y-ECONOMIES

SVETLANA G. KIRDINA,

*Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: kirdina777@gmail.com*

* Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Теория переключающегося воспроизводства и ее адаптация к разным типам социально-экономических систем», проект № 0166-20140013.

The paper attempts to apply the principle of methodological institutionalism and the theory of institutional matrices, particularly the latter's concept of the structure of X- and Y-economies, to the analysis of the processes of economic reproduction. In fact, we follow Marx and other scholars of classical political economy who in these processes identified the associated reproduction of social relations. In the reproduction model of Karl Marx he, on the one hand, identified movement of goods (products, works, services) in their real and monetary forms and, on the other hand, institutional and social arrangements that facilitate this movement in specific types of societies. The paper develops the idea that, over time, this insight about the dual nature of economic relations (supported later by Karl Polanyi and others) has been the neglected and lost sight of, until now. We also argue that Marx made his analysis of economic reproduction in respect of only one particular case – a capitalist economy, which we describe as the Y-type economy. With respect to the X-economies, a similar analysis of economic reproduction processes in accordance with Marx's model has not been carried out. This paper is the first one, in which we show that economic reproduction of goods in the X- and Y-economies is based on different structures of economic institutions. An external cause, influencing the difference between the prevailing economic institutions, is assumed to be differences in climatic conditions. The results of empirical statistical calculations are presented as proof of this assumption. It is also shown that indicators of economic reproduction differ in proportion between different institutional frameworks. As an example, results of the comparative analysis of capital accumulation in X- and Y-economies are presented, supporting the main conclusions of the paper.

Keywords: Marxian theory of economic reproduction; the institutional matrices theory; X- and Y-economies; institutional theory; reproduction of fixed assets.

JEL: B52, E00, E11, H54.

Введение: Теория общественного воспроизводства сегодня¹

На наш взгляд, сегодня мы наблюдаем очевидный экономический парадокс. В чём он состоит? С одной стороны, обусловленность экономических процессов идеологическими, военными, институциональными, политическими факторами в мире повсеместно растёт и не вызывает сомнений. С другой стороны, политическая экономия как наука, изучавшая экономику именно с позиций ее «вписанности» в социальные и политические процессы, отесняется все дальше и дальше от экономического теоретического мейнстрима².

Вряд ли это справедливо и правильно. Задача статьи состоит в том, чтобы вернуться к тем положениям классической политэкономии, которые по-прежнему актуальны и важны с практической точки зрения, но находятся «на периферии» научного внимания. Попробуем посмотреть на них новым взглядом в свете последних достижений в области институциональной теории. В политэкономии нас будет интересовать теория общественного воспроизводства, в которой аккумулированы важнейшие, на наш взгляд, представления классиков о закономерностях экономического развития.

¹ В 2013 г. в «Journal of Institutional Studies (Журнале институциональных исследований)» была опубликована статья М. В. Бодрикова «Институциональные основания классической политической экономии» (Бодриков, 2013. С. 13-35). В ней впервые были подняты вопросы интерпретации понятий теории общественного воспроизводства применительно к иным, не рассмотренным К. Марксом, типам экономик, а именно к экономикам «неторговых обществ». Мы в значительной мере опираемся на выводы указанной статьи и продолжаем обсуждение поднятой В. М. Бодриковым темы.

² Возражения, что бывшая политэкономическая тематика представлена сегодня в ряде новых наук – от экономической социологии до конституционной экономики, - не вполне справедливы. В них утеряна характерная для классической политической экономии системность, «изучение экономики в целостности ее внутренних взаимосвязей и конкретном историко-институциональном контексте» (Бодриков, 2013. С. 14). Поэтому мы согласны с тем, что «не опровержение, а дальнейшее развитие основных положений классической школы должно было составить дальнейшую задачу науки» (Булгаков, 2006. С. 176).

В наиболее полной форме они отражены в марксовой (опиравшейся на достижения предшественников) теории воспроизводства³, объясняющей процесс воспроизводства общества в материальном и социальном отношении. До сих пор, спустя 130 лет после публикации ее основ во II томе «Капитала» К. Маркса, она во многом сохраняет свою теоретическую актуальность и признана одним из выдающихся его достижений. Однако в последующие годы теория воспроизводства (как и лежащая в ее основе теория стоимости) была, пожалуй, одним из наименее разрабатываемых направлений богатого теоретического наследия Маркса. Этому способствовало несколько причин, о которых уже неоднократно писали многие исследователи его творчества.

Одно из препятствий связано с тем, что марксовы разработки в этой сфере носили неоконченный характер. Работавший после смерти Маркса над изданием II и последующих томов «Капитала» его друг и соратник Фридрих Энгельс отмечал трудности работы над не всегда структурированными и порой непонятными ему рукописными набросками Карла Маркса (*Басовская и Венедиктов, 2007*).

Как была представлена в «Капитале» экономическая часть теории воспроизводства? В отношении капиталистического способа производства ее основу составляет воспроизводство капитала в его физическом и социальном смыслах. Базируясь на трудовой теории стоимости, Маркс, как известно, 1) выделил и проанализировал основные одновременно сосуществующие стадии воспроизводственного цикла - производство, распределение, обмен и потребление, - эти стадии отражают специфику условий, факторов и результатов производства и образуют эндогенный механизм развития экономики; 2) выявил необходимые пропорции межотраслевого (в разрезе I и II подразделений) движения капитала в его денежной, товарной и производительной формах, обеспечивающие полную реализацию общественного продукта; 3) представил числовые модели простого и расширенного воспроизводства, заложив тем самым основы дальнейшего моделирования экономического роста. Однако «черновой характер» (по выражению М. Блауга) глав, посвященных анализу простого и, особенно, расширенного воспроизводства, как и содержащиеся в них необъяснённые Марксом противоречия, затрудняют восприятие и, особенно, дальнейшее развитие его положений. Также отмечается некоторая политическая ангажированность экономических текстов Маркса, направленных на доказательство «теории трудовой стоимости» и вытекающей отсюда идеи необходимого свержения частной капиталистической собственности, что порой мешало автору проводить свой анализ беспристрастно. Декларированный им самим принцип диалектического материализма, предполагающий переход от открытия сути явлений к анализу проявлений в реальности, в теории воспроизводства Маркс реализовать не успел, ограничившись условными примерами.

Другая причина непопулярности воспроизводственного подхода связана с маржиналистской традицией неоклассической экономики, занявшей лидирующие позиции в экономической теории с конца XIX века. Она, как следует из названия, опирается на иные, по сравнению с марксовой теорией стоимости, постулаты, в частности, категории предельной полезности и предельной производительности. На их основе и соответствующих им концепций спроса и предложения, цены, издержек производства, заработной платы и др. выстроена стройная, опирающаяся на характерный математический аппарат экономическая теория. Именно она составляет современный экономический мейнстрим, во многом альтернативный классической политэкономии.

Сегодня различные аспекты теории экономического воспроизводства разрабатываются в обособляющейся от ортодоксального неоклассического мейнстрима *гетеродоксальной экономике*, к которой относят марксизм,

³ Очевидно, с этим могут не согласиться, например, последователи тех классиков политэкономии (например, Давида Рикардо), которые разрабатывали несколько иные схемы воспроизводства.

сраффианскую экономику, разработки с применением эволюционного, институционального подходов и др. Классификация гетеродоксальных направлений дана в работе известного американского экономиста-гетеродокса Фрэда Ли (*Lee, 2008*). А самого Маркса многие гетеродоксы признают одним из предшественников всего гетеродоксального направления в экономике (*O'Hara, 2000; Marx, Veblen, and the Foundations of Heterodox Economics..., 2015*)⁴.

Однако, если теория общественного воспроизводства, при всей ее незавершенности и противоречивости, носила у Маркса системно-исторический характер (*Ходжсон, 2003*), то современные исследователи обращаются, как правило, лишь к определенным сторонам этой большой теории. Это связано не столько с отсутствием сопоставимых с Марксом гениальных фигур, сколько с развитием разделения научного труда и углублением тех тем, которые более 100 лет назад в работах Маркса были представлены ещё в синкретическом виде.

Например, известны разработки в области теории воспроизводства, для которых характерно преимущественно «материальное прочтение экономических процессов и физическое измерение затрат и результатов» (*Бодриков, 2013. С. 28*). Причем данный подход представлен как среди приверженцев Маркса (*Basu, 2014; Diaz and Velasco, 2016; Fine, 2012; Olsen, 2015; Passarella, 2017*), так и у последователей иных направлений классической политэкономии. Так, продолжением марксистской традиции являются разработки в области «новой теории воспроизводства» российского ученого В. И. Маевского и его коллег. Ими предлагается новая версия марксовой теории, учитывающая неизученный ранее переключающийся режим воспроизводства (*Маевский, 2012; 2014; Маевский и Малков, 2013; Маевский, Малков и Рубинштейн, 2016*). Наряду с теоретическими исследованиями, авторы предлагают оригинальные, апробированные на реальной статистике математические модели расширенного воспроизводства, базирующиеся на альтернативных, по сравнению с мейнстримом, исходных предпосылках. Аналогичный «материально-вещественный» фокус характерен для работ из ядра конкурирующей с марксистской неорикарданской экономической теории (*Kurz and Salvadori, 2005*), возрожденной в том числе в трудах Пьеро Сраффы и его последователей. При указанном подходе в центре внимания экономистов находятся процессы движения материальных и финансовых потоков, обеспечивающие посредством замкнутых кругооборотов капитала общественное воспроизводство экономики. Такую концентрацию внимания лишь на материальных аспектах М. В. Бодриков охарактеризовал как «крайнюю форму овеществленного представления общественных отношений» (*Бодриков, 2013. С. 28*), при которой за рамками анализа остаются характерные для классической традиции исторический и институциональный контексты⁵.

Другая сторона теории общественного воспроизводства, развиваемая современными исследователями, связана с марксовой интерпретацией воспроизводственного процесса как процесса присвоения капиталом прибавочной стоимости за счет эксплуатации наемного труда. В этом случае внимание последователей Маркса фокусируется на анализе классовых отношений и «судеб капитализма» (*Beyond Marx..., 2013; Contemporary Capitalism..., 2010*). Вот что писал по этому поводу австралийский ученый Фил О'Хара в своей работе «Современные принципы неортодоксальной политической экономии»:

⁴ Мы не рассматриваем здесь изучение воспроизводственных процессов вне традиций классической политической экономии. Например, тот «воспроизводственный подход на микроуровне» в рамках эволюционной экономики, когда в качестве предмета исследования выступают механизмы воспроизводства рутинных процессов хозяйственной деятельности (*Нельсон и Уинтер, 2002*). В этой и других эволюционных теориях микроуровня, как отмечает С. Ю. Глазьев, были получены нетривиальные результаты, объясняющие некоторые закономерности эволюции экономических систем, включая механизмы генерирования и распространения инноваций (*Глазьев, 2016*), но их авторы не задавались целью рассмотрения воспроизводственных процессов на мезо- и макро-уровнях.

⁵ Справедливости ради следует отметить, что в неявном виде институциональный контекст присутствует в отмеченных концепциях. Другое дело, что он принимается неизменным, а меняется лишь поведение рассматриваемых экономических субъектов и величин стоимостей, которыми они оперируют.

«Марксисты» всегда уделяли особое внимание историческому развитию экономических систем, классовому неравенству, а также производству и обращению прибавочного продукта через кругооборот общественного капитала. Популярные работы М. Добба, П. Суизи, Э. Мандела, П. Барана и других заложили в XX в. основу для возрождения и дальнейшего развития марксизма. Разные группы марксистов создали совсем непохожие друг на друга направления исследования динамики капитализма и его альтернатив. Р. Вольф и С. Резник, например, сосредоточились на различиях между фундаментальными классовыми процессами, связанными с производством прибавочного продукта, и процессами распределения результатов прибавочного труда.... В журналах «Review of Radical Political Economics», «Capital and Class», «Science and Society» и «Rethinking Marxism» было опубликовано множество работ по марксизму» (*О'Хара, 2009. С. 38*), посвященных этим аспектам. Таким образом, анализ классовых противоречий, вытекающий из несправедливых пропорций разделения стоимости необходимого и прибавочного продуктов, продолжает оставаться одним из наиболее развиваемых направлений марксовской теории общественного воспроизводства.

При анализе развития политической экономии нельзя обойти вниманием общеизвестный факт – не одно десятилетие марксистская политэкономия была популярной в СССР и других социалистических странах. Но в то время, как полагают, она не получила достаточного творческого развития, поскольку учение марксизма в целом «превратилось в светскую форму религиозного сознания» (*Медведев и Медведев, 2007. С. 166*), оставаясь застывшей идеологической догмой.

Что касается первых десятилетий уже постсоветского периода, то они характеризовались почти полным забвением политэкономии в вузах и исследовательских институтах. Место политэкономии было занято курсами и разработками в области неоклассической экономики.

Однако в последние годы в России наблюдается возрождение интереса к политической экономии, «королеве общественных наук», по выражению Пола Самуэльсона. Об этом свидетельствуют создание в 2011 г. Международной политэкономической ассоциации стран постсоветского пространства, а также проведение под ее эгидой международных политэкономических конгрессов (г. Москва, 2012 и 2015 гг.). Как следует из материалов этих конгрессов, актуализация воспроизводственного подхода была заявлена в качестве одного из драйверов развития политической экономии в современном мире. Было отмечено, что последовавшая за финансиализацией глобальной экономики повсеместная реиндустриализация заставляет западных и отечественных экономистов «обратить внимание на необходимость включения в сферу исследований экономической теории процессов производства» (*Бочко, Татаркин и Берсенёв, 2015. С. 32*). Но пока, на наш взгляд, большинство последователей советской политэкономии, придерживающиеся марксистского воспроизводственного подхода, хотя и склонны подчеркивать роль теории воспроизводства для современного экономического анализа (*Ларшина, 2015; Нешиной, 2016*), по-прежнему не уделяют достаточного внимания конкретному развертыванию ее основных положений.

Одной из недостаточно разработанных теоретических проблем является приложение общей модели воспроизводства общественного богатства к определенным типам обществ и экономик, принятие во внимание исторических контекстов их развития и складывающихся институтов. Хотя построение таких конкретных моделей экономики, как пишет М. В. Бодриков, является «подлинным предметом и методом классической политической экономии» (*Бодриков, 2013. С. 15*). В настоящей статье представлена попытка решения этой амбициозной задачи. При этом мы опираемся не только на известные разработки в области теории стоимости, но также на собственные проведенные ранее исследования в области теории институциональных матриц и методологических оснований современной экономической теории.

Помимо введения, статья состоит из двух разделов и заключения. В первом разделе мы попробуем показать, что предположение о двойственном характере стоимости отражает понимание процесса общественного производства в единстве его материально-вещественного и институционального контекстов. Маркс представил лишь один из типов этого контекста – меновые экономики, или Y-экономики (Кирдина, 2004). Мы продолжим логику Маркса применительно к воспроизводственным процессам в X-экономиках, которые для Маркса не были объектом анализа. Опираясь на принцип методологического институционализма, мы представим воспроизводственную систему в обоих типах экономик как систему институтов, регулирующих движение благ по всей воспроизводственной цепочке. Во втором разделе рассмотрены основные факторы, определяющие характер и специфику складывающихся институтов, в том числе и в воспроизводственной системе. Представлены некоторые доказательства в пользу так называемой «географической гипотезы», при которой историческая специфика институтов определяется влиянием географических, прежде всего, климатических условий в ареале возникновения устойчивых государств. Будет показано, как в разных странах, в зависимости от условий и внешних вызовов, складываются неодинаковые институты, обеспечивающие устойчивое воспроизводство экономических благ, и соответственно, различные пропорции в сфере воспроизводства. В обоснование приведены некоторые данные количественного анализа накопления капитала в X- и Y-экономиках. В заключении обобщаются полученные результаты и предлагаются перспективы дальнейшего институционального анализа воспроизводственных процессов.

1. Двойственный характер стоимости (ценности)⁶, производственные отношения и институты

В воспроизводственной теории Маркса стоимость (ценность) представляет собой свойство благ, отражающее вовлеченность в систему отношений по их производству, распределению, обмену и потреблению (другими словами, в систему производственных отношений) в рамках конкретной модели экономики. Двойственный характер стоимости⁷ связан с тем, что она, с одной стороны, отражает ценность блага для потребителя, а с другой – отражает результат общественных усилий по созданию данного блага. Как отмечает в этой связи Бодриков, «для любого экономического субъекта ценность благ *всегда* имеет двойственный характер, объединяя в себе потребительскую и сравнительную (альтернативную) стороны, из которых вторая количественно выражает первую» (Бодриков, 2013. С. 25).

Потребительная стоимость благ (в товарной экономике речь идет о товарах) характеризует их «физическую привлекательность», способность удовлетворять определенные человеческие потребности. Она является результатом конкретного, по Марксу, труда. Потребительная стоимость служит одновременно и *качественной* характеристикой блага, она означает, что то или иное благо представляет интерес для участников экономической деятельности. *Количественная* сторона стоимости, в

⁶ В настоящей статье мы будем в основном пользоваться конвенциональным термином «стоимость», хотя, как известно, *ценность* является более точным переводом Марксова понятия *Wert* (нем.), о чем еще в 1909 г. писал М. И. Туган-Барановский. Но сложившуюся русскоязычную традицию уже невозможно изменить. Однако не будем забывать о том, что «стоимость» как *Wert*, по Марксу, ни в коей мере не может быть понята как «издержки» (*Kosten* – нем.), хотя в русском языке такое понимание стоимости широко распространено.

⁷ К. Маркс показал, что наличие у товара двух свойств – потребительной стоимости и относительной меновой стоимости – объясняется двойственным характером труда товаропроизводителя, в котором Маркс выделял конкретный и абстрактный труд. Абстрактный труд, в ходе которого происходит соизмерение результатов конкретного труда, при товарном производстве проявляется через обмен и находит свое выражение в форме меновой стоимости, что отражает общественный характер труда. Приведение конкретных видов труда к абстрактному и создание тем самым возможности для их соизмерения – объективный процесс, проявляющийся в каждом из бесчисленных актов обмена, т. к. в товарных экономиках именно в обмене все виды труда приравниваются друг к другу. Таким образом, меновая стоимость, в которой соизмеряются затраты абстрактного труда – это специфическая экономическая категория, присущая *лишь* товарному производству, и она отражает определённые присущие таким обществам производственные отношения.

которой воплощается абстрактный труд, имеет относительный, сравнительный характер. Поскольку «абстрактный труд – историческая категория, отражающая общественные условия существования ... производства»⁸, то относительная стоимость формируется в результате движения благ по всей воспроизводственной цепочке (производство – распределение – обмен – потребление), присущей тому или иному способу производства. Ее величина определяется правилами учета усилий участников воспроизводственного процесса при создании блага. Другими словами, количественная, относительная характеристика благ получает свою определенность только в контексте всей системы экономических воспроизводственных отношений. Когда основу транзакций на всех стадиях воспроизводства составляет обмен, количественная сторона стоимости представлена так называемой меновой формой стоимости⁹ – именно эта форма была подробно проанализирована Марксом. Мы согласны с Бодриковым, который, опираясь на труды Смита, Рикардо, Милля и Маркса, доказывает, что «(М)еновая ценность определяется в классической политэкономии как относительная характеристика обмениваемых благ, получающая свою определенность только в контексте всей системы товарного обращения... В свою очередь, последняя .... присуща конкретной исторической форме экономического устройства общества» (Бодриков, 2013. С. 23). Относительная стоимость (независимо от ее исторической формы) представляет собой экономическую оценку потребительских свойств, или меру измерения полезности благ.

Процессы воспроизводства осуществляются в пространстве и времени. Другими словами, они распределены по территории и не осуществляются одновременно в одной точке. Поэтому возникает объективная необходимость создания устойчивых правил, которые обеспечивают пространственно-временное перемещение благ между производителями и потребителями с целью обеспечения непрерывности и возобновляемости воспроизводственного цикла.

В отмеченной выше статье М. В. Бодриков обращает внимание на различное понимание ценности благ в маржиналистской и политэкономической традиции. В маржиналистской теории субъективной полезности «(Ц)енность благ, как и экономический характер их, не зависит от человеческого хозяйства и его общественной формы» (Менгер, 2005. С. 127, сн. 25). Соответственно, способность производимых благ к обмену признается изначально заданной и рассматривается как внутреннее свойство благ. В отличие от этого, в классической политэкономии категория стоимости (ценности) выступает свойством исторической формы общественных отношений (Маркс, 1988–1989. Т. 3. С. 891). Поэтому сравнительная ценность (вторая сторона стоимости), в отличие от потребительной стоимости, определяется как относительная характеристика движущихся в экономике благ, получающая свою определенность лишь в контексте всей воспроизводственной, определенным образом институционализированной, системы отношений. Эта система отражает экономическое устройство общества и представлена в его базовых экономических институтах. Если среди них доминируют институты обмена (Y-экономики), то сравнительная относительная стоимость благ определяется в ходе обмена между частными собственниками и может быть представлена в виде меновой стоимости, исследованной Марксом. Если в системе экономических институтов общества доминируют институты редистрибуции (X-экономики), то относительная стоимость благ определяется в ходе движения благ в иерархически организованной редистрибутивной системе.

⁸ См.: (<http://www.esperanto.mv.ru/Марксизм/ДвойственныйХарактерТруда>).

⁹ Строго говоря, отождествление мены с ее торговой (рыночной) формой – обменом, не всегда справедливо – вспомним жилищные «обмены» советского времени, которые, по сути представляли собой натуральные мены. Однако классическая политэкономия не рассматривала иные формы меновой стоимости кроме тех, которые возникали в процессе торговых (рыночных) обменов.

В этом смысле мы в очередной раз согласны с позицией Бодрикова, который указывает на то, что общая теория двойственности экономического расчета справедлива для всех типов экономик (Бодриков, 2013. С. 23). Действительно, «экономическое воспроизводство общества осуществляется не только на основе рыночных механизмов»¹⁰. С этой точки зрения классическая концепция двойственной стоимости *товара*¹¹ является лишь частным случаем и историческим следствием этой общей теории для торговых (товарных) экономик, тщательно исследованных классиками политэкономии.

В обоснование нашей позиции покажем историческую логику возникновения и развития этой двойственности. Во-первых, экономические отношения начинают требовать *согласования интересов* участников хозяйственной деятельности, когда основная масса необходимых для существования благ производится не отдельными индивидуумами для себя, а за пределами их индивидуальных хозяйств. Таким образом, возникает качественное свойство блага – потребительная стоимость, поскольку благо должно представлять интерес для участников экономических процессов. Одновременно формируется запрос на количественную оценку этого блага (относительная форма стоимости) с целью получения его в свое распоряжение. Это – исходный пункт возникновения двойственного характера стоимости общественных благ. Во-вторых, согласование порой противоречивых экономических интересов является необходимым *условием движения благ* по всем стадиям воспроизводственного процесса. В чем выражается согласование интересов, «запускающее» воспроизводственный цикл? Движение благ оказывается возможным, когда согласованы *пропорции встречных материально-вещественных и денежных потоков* во всем стадиям воспроизводственного цикла. Согласование этих пропорций предполагает своим условием принятие на общественном уровне признанных всеми участниками экономической деятельности *правил формирования* воспроизводственных пропорций, функционирование поддерживающих эти правила *институтов*. Если эти пропорции устанавливаются в условиях институтов частной собственности, обмена и др. базовых институтов рыночной Y-экономики, то имеет место «меновый союз лиц» (по А. Смит), разделяющих эти правила и следующих им при определении количественных пропорций движения благ в воспроизводственном процессе. В этом смысле меновая форма стоимости, описанная Марксом, отражает институциональное содержание такого типа экономики и всего социума.

В X-экономике складывается иная система институтов, обслуживающих воспроизводственные процессы. Среди них институт верховной условной собственности, кооперации, X-эффективности и др. (подробнее см. (Кирдина, 2004; 2014)). Они регулируют систему пропорций движения благ в воспроизводственном процессе, основанную на относительной стоимости иного рода (не меновой). Здесь количественные соотношения ценности благ определяются на основе иной «методики» учета общественных усилий по их созданию. Покажем это на практическом примере. Земельный участок может находиться в частной (в модели Y-экономики) или условной верховной (в модели X-экономики) собственности. В первом случае использование участка другим частным собственником потребует возмещения собственнику земли упущенной им выгоды при самостоятельном использовании. Соответственно, в системе воспроизводственных пропорций цена земли (в которой воплощается меновая форма стоимости), будет иметь существенное значение. Во втором случае земля рассматривается как ресурс, доступный для пользования также теми, кому она не передана в условное владение верховным уровнем управления. Точнее сказать, что условием владения землей является ее доступность к использованию иными субъектами (например, любой может прийти в лес, набрать грибов и продать их на рынке, присвоив полностью полученный доход).

¹⁰ См.: ([https://en.wikipedia.org/wiki/Reproduction_\(economics\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Reproduction_(economics))).

¹¹ Под товарами, как известно, понимаются блага, выступающие предметом обмена, где действует механизм купли-продажи.

Если это пользование предполагается безвозмездным, то расходы по использованию земли экономическим субъектом не включаются в воспроизводственный процесс, что приводит к иным пропорциям общественного воспроизводства. Другой пример представляют отношения в сфере потребления тепло- или электроэнергии. При доминировании модели Y-экономики производители энергии – частные собственники - самостоятельно определяют цену для потребителя в зависимости от своего уровня издержек по производству и доставке электроэнергии. В условиях X-экономики цена формируется не только производителями, но и под влиянием извне в зависимости от реализуемой общественной политики. Так, в СССР и России цена для производственных потребителей, как правило, выше, чем для населения. Очевидно, что различия учета издержек в обеих моделях экономики приводят и к разным воспроизводственным пропорциям.

К сожалению, специфика относительной формы стоимости (как и природа денег) в нерыночных экономиках до сих пор тщательно не исследована. Несмотря на многочисленные попытки теоретиков политэкономии социализма разобраться в этом вопросе, их разработки не получили своего логического завершения и не создали консенсусного, то есть разделяемого основной массой исследователей, знания. Мы надеемся, что эта публикация послужит стимулом необходимого развития исследований в этом направлении.

Характерным для воспроизводственных процессов и в том, и в другом типе экономик является то, что экономические субъекты ориентируют свои производственные возможности не на собственные устремления, а на потребности окружающего их общества. Соответственно, принимая решения о приобретении или отчуждении (равно как о потреблении и сбережении), они опираются не на шкалу своих субъективных оценок, а на общественную систему пропорций, возможную по причине существования относительной формы стоимости, выделенной Марксом. Отношения людей по поводу воспроизводства общественного богатства Маркс определил как производственные отношения. Формой объективизации производственных отношений в ходе движения благ являются институты, они возникают на стадии перехода общества от состояния *Gemeinschaft* к состоянию *Gessellschaft*¹². Институты формируют экономическое устройство общества и выступают регуляторами человеческого поведения в хозяйственной сфере. Вряд ли справедливо предположение ортодоксальной экономической теории о том, что объективные отношения между людьми движимы их субъективными интересами (*Блауг, 1994. С. 248*) и не зависят от историко-институциональных условий. С нашей точки зрения, классическая политэкономия стояла на более реалистичных позициях, поскольку придавала социальному и институциональному контексту важнейшее значение, которое учитывала в своем анализе.

Как отмечает в этой связи М. В. Бодриков (*Бодриков, 2013. С. 19*), «в каждый данный исторический период форма организации производства благ и воспроизводства его условий подчинена институциональной структуре общества, которая и устанавливает «порядок, в соответствии с которым» произведенный продукт «естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе» (*Смит, 2007. С. 65*)».

Возвращаясь к Марксовой теории воспроизводства, покажем, какого рода институциональная структура подразумевалась в его исследовании. При анализе выделенных им стадий воспроизводства будем опираться на принцип методологического институционализма (*Кирдина, 2013*). Он означает, что наше внимание будет направлено на выявление институтов и их специфику, обеспечивающих реализацию соответствующих процессов. При этом мы будем

¹² По Ф. Тённису, *Gemeinschaft* (традиционное общество, община) и *Gessellschaft* (современное общество) отличаются тем, что в первом господствуют личные, персонализированные отношения, в то время как во втором типе общества определяющее значение имеют формальные правила, нормы и институты.

использовать положения теории институциональных матриц (Кирдина, 2014 [2001]), или X-Y-теории, а именно - представления об институциональной структуре X- и Y-экономик.

Табл. 1 иллюстрирует наш подход и результаты его применения.

Таблица 1

Реконструкция экономических институтов, обслуживающих проанализированные Марксом стадии общественного воспроизводства

Функции экономических институтов	Стадии процесса воспроизводства			
	Производство	Распределение	Обмен	Потребление
Движение благ	Обмен (купля-продажа)	х	Обмен (купля-продажа)	х
Закрепление благ	Частная собственность	Частная собственность	Частная собственность	Частная собственность
Взаимодействие экономических агентов	Конкуренция	Конкуренция	Конкуренция	х
Организация труда	Наемный труд	Наемный труд	х	х
Сигналы обратной связи (виды эффективности)	Максимизация прибыли - Y-эффективность	х	Максимизация прибыли - Y-эффективность	х

Можно видеть, что в левом столбце представлены функции экономических институтов, а в клетках таблицы – институты, реализующие указанные функции на выделенных и проанализированных Марксом стадиях общественного воспроизводства. Использована классификация институтов в теории X- и Y-экономик.

На первоначальной стадии каждого воспроизводственного цикла – обычно ею считают **производство** – факторы производственной деятельности соединяются для создания необходимого обществу продукта. В условиях частной (капиталистической по Марксу) собственности их соединение происходит на основании актов обмена в условиях конкуренции за необходимый ресурс и преследует цель (в условиях расширенного воспроизводства) создания прибыли. Рабочая сила нанимается на время производства в виду того, что работники являются ее собственниками. В таблице мы отметили все эти институты, регулирующие данную стадию воспроизводственного процесса.

На стадии **распределения** происходит разделение созданного всем обществом экономического продукта, дохода, прибыли по соответствующим «адресам». Это распределение определяется собственностью основных участников процесса воспроизводства на его основные факторы - средства труда, предметы труда и труд. Маркс рассматривал две группы собственников – капиталистов, или владельцев средств производства, и работников, или владельцев рабочей силы. Институциональной основой описанного Марксом распределения созданного экономического продукта являются институт частной собственности, определяющий порядок закрепления благ за участниками производства, конкуренция за производственные ресурсы и рабочие места, а также институт наёмного труда, определяющий специфику организации труда в Y – экономике. Три этих института и указаны в столбце, соответствующем стадии распределения.

Обмен в схеме Маркса – это система общественных отношений, связывающих основных участников воспроизводственного процесса в процессе доступа к созданным на предыдущей фазе благам. Это стадия движения общественного продукта, в ходе которой произведенные продукты и услуги (у Маркса речь идет о товарах) доставляются основным субъектам экономической деятельности – капиталистам и рабочим в марксистской классификации. В ходе обмена в связи с общественным разделением труда и барьерами в виде частной собственности необходимые продукты поступают во владение экономическим субъектам при встречной передаче результатов своего труда и при посредничестве денег. В ходе обменов конкурирующие участники преследуют цели получения прибыли в ходе трансакций. Поэтому регулирование этой стадии воспроизводственного процесса осуществляется институтами обмена (купли-продажи), частной собственности, конкуренции и максимизации прибыли.

На заключительной стадии воспроизводственного цикла – **потреблении** – результаты полученных в результате обмена благ используются для удовлетворения потребностей участников производства, как производственных, так и непроизводственных. Товар (как форма существования благ в рыночной экономике) на этой фазе исчезает. Поэтому его надо производить снова, что приводит к возобновлению воспроизводственного цикла. При этом очевидно, что в ходе потребления как конечной стадии предыдущего цикла должны быть созданы условия для новой фазы – производства новых товаров. На фазе потребления процесс «замыкается» в каждой из групп обособленных собственников, поэтому его осуществление опирается на институт частной собственности. Каждый из классов – капиталисты и рабочие – самостоятельно создает «внутри себя» предпосылки, обеспечивающие начало следующей воспроизводственной фазы.

Таким образом, применение институционального подхода к анализу воспроизводственных схем Маркса показывает, что в поле его рассмотрения находилась конкретная модель капиталистической экономики. С точки зрения теории институциональных матриц она воплощает лишь один из возможных типов экономической структуры, а именно структуру Y-экономики. Рассмотрение иного типов экономических структур не являлось задачей Маркса¹³. До сих пор специфика двойственного характера стоимости (ценности) в широко распространенных X-экономиках продолжает оставаться *terra incognita* и служит вызовом живущим в таких экономиках ученым.

2. Причины становления институциональных структур и их следствия: «географическая гипотеза» и воспроизводственные пропорции

Почему институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках происходила по-разному? Почему сформировались и стали устойчиво доминировать разные институциональные комплексы? При ответе на этот вопрос мы продолжаем следовать логике Маркса и опираться на его материалистическое понимание истории. С этой целью представим результаты проверки так называемой «географической гипотезы», которая с начала 2000-х гг. обсуждается в работах институционалистов (обзор по этой теме см. (Кирдина, 2016)). Однако, несмотря на активизацию дискуссии, до сих пор – и в этом мы согласны с Д. П. Фроловым, – пространственная укоренённость институтов, как и процесс их укоренения, редко принимаются во внимание и являются, соответственно, мало изученными (Фролов, 2015. С. 16). Поэтому, на наш взгляд, будет интересно познакомить читателей с результатами проекта «Климат и институциональные матрицы», осуществленного сотрудниками Центра эволюционной экономики Института экономики РАН в 2014-2015 гг. в сотрудничестве с коллегами из других академических институтов¹⁴.

¹³ Указанием на то, что Маркс осознавал «невсеобщность» характера исследуемых им экономических систем, служат его заметки о так называемом «азиатском способе производства» и специфике отношений собственности в неевропейских государствах. Анализ позиции Маркса по этому вопросу представлен в (Кирдина, 2014. С. 108).

¹⁴ В работе приняли участие сотрудники Института экономики РАН: завсектором С. Г. Кирдина (руководитель проекта), м.н.с. А. И. Волинский, м.н.с. И. Л. Кирилук, м.н.с. М. С. Круглова, к.э.н., ст.н.с. А. А. Рубинштейн, а также к.б.н.,

Таблица 2

Средние значения климатических показателей в странах с доминированием X- и Y-экономик

Показатели	«Холодные» X-страны*	Y-страны***	«Жаркие» X-страны**	В среднем по всем странам (65)	Достоверность разбегания (критерий Фишера)
Пострадавшие от бедствий, %	1.9	0.1	1.3	0.9	0,0040
Пострадавшие от засухи, чел. на 100 000 чел.	27	8	49	33.5	0,0381
Пострадавшие от наводнений, чел. на 100 000 чел.	78	7	38	30	0,0042
t °C за год	6.4	9.3	23.1	16.2	<0,0001
t °C_октябрь	8.1	9.8	23.6	16.9	<0,0001
t °C_ноябрь	0.4	5.4	21.4	13.3	<0,0001
t °C_декабрь	-5.6	2.2	19.4	10.5	<0,0001
t °C_январь	-8.2	0.9	18.8	9.4	<0,0001
t °C_февраль	-6.2	1.9	19.9	10.6	<0,0001
t °C_март	0	4.5	21.7	13.0	<0,0001
t °C_апрель	6.6	7.8	23.6	15.9	<0,0001
t °C_май	12.3	11.7	24.9	18.7	<0,0001
t °C_июнь	16.7	14.8	25.7	20.7	<0,0001
t °C_июль	19.6	16.9	25.8	21.8	<0,0001
t °C_август	19.3	16.6	25.8	21.7	<0,0001
t °C_сентябрь	14.7	13.9	25.2	19.9	<0,0001
Осадки_май	87	57	120	93	0,0039
Осадки_июнь	146	60	142	111	0,0050
Осадки_июль	219	57	145	118	0,0003
Осадки_август	194	57	146	116	0,0006
Осадки_сентябрь	131	55	141	107	0,0017
Осадки_октябрь	62	61	134	99	0,0019
Осадки_за_год	1100	760	1328	1089	0,0090
Осадки_амплитуда	194	52	159	121	<0,0001
t_min °C_за_год	1.0	4.6	17.4	11.0	<0,0001

*Холодные X-страны (всего 6): КНР, КНДР, Непал, Республика Корея, Российская Федерация, Япония.

**Жаркие X-страны (всего 34): Боливия, Бразилия, Венесуэла, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Камбоджа, Колумбия, Куба, Лаос, Ливия, Малайзия, Мексика, Мьянма, Никарагуа, Пакистан, Парагвай, Перу, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Таиланд, Тунис, Филиппины, Шри Ланка, Эквадор, Эфиопия.

***Y-страны (всего 25): Австрия, Аргентина, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Германия, Испания, Италия, Канада, Марокко, Польша, Португалия, Нидерланды, Норвегия, Румыния, США, Турция, Финляндия, Франция, Чили, Швеция, Южно-Африканская Республика.

ст.н.с. А. В. Кузнецова (Институт биохимической физики им. Н. М. Эмануэля РАН) и д.ф.-м.н., в.н.с. О. В. Сенько (Вычислительный центр им. А. А. Дородницына РАН). Ход и результаты работы обсуждались с д.э.н., в.н.с. А. В. Верниковым и действительным членом РАН, д.э.н. В. И. Маевским.

Его цель состояла в том, что бы определить наличие и характер связи между институциональными и географическими факторами. Была собрана статистическая информация о специфике природных условий в 65 странах, которые в сумме производят 90% мирового ВВП. Исходная матрица анализируемых признаков включала 116 исходных и 15 составных показателей для каждой из стран, вошедших в выборку. Характеристика институциональных особенностей стран определялась интегрально – типом доминирующей в государстве институциональной матрицы, и соответственно, экономики - X- или Y-. Расчеты базировались на процедурах интеллектуального анализа данных и оригинальных методах классификации, позволяющих учитывать нелинейный характер связей между признаками¹⁵. В результате многочисленных итераций были отобраны признаки, по которым различие между странами с доминированием X- и Y-экономик оказалось наиболее очевидным и статистически убедительным. Число таких признаков составило 25 (менее одной пятой от общего числа), и все они в той или иной мере отражают климатические особенности территорий. Наиболее полно результаты исследования описаны в (*Кирдина, Кузнецова и Сенько, 2015*), здесь мы представим их в концентрированной форме (см. табл. 2.).

Наши расчеты показали, что многие оставшиеся за рамками статьи исследованные признаки, такие как обеспеченность минеральными ресурсами, характер освоения территории, обеспеченность ее водными артериями, выход к морям, структура проживающего населения и ряд других, не являются столь же значимыми для институциональной специфики стран, как показатели климата и связанная с ним подверженность территории страны природным катастрофам.

Можно видеть, что так называемые Y-страны располагаются на территориях с мягким климатом. Для них типичны относительно невысокие значения летних температур и умеренно низкие величины зимних. Минимальная среднегодовая температура в них находится на уровне +4.6 градусов Цельсия (при +1.0 в холодных и +17,4 – в жарких X-странах). Показатели влажности также умеренные, при этом осадки относительно равномерно распределены в течение теплых месяцев года (т.е. в период основных сельскохозяйственных работ). О равномерной влажности в течение года свидетельствует и амплитуда осадков – для Y-стран она составляет 52 мм, в то время как для X-стран – более 150 мм. Также Y-страны располагаются в менее рискованной зоне – в них более низкие значения показателей подверженности проживающего в них населения разным природным катастрофам. Для таких стран с умеренным климатом характерно становление и развитие рыночных институтов с присущими им законами конкуренции, обмена и т.п.

Для стран с более суровыми условиями жизни – слишком жаркими или слишком холодными – выживание и развитие оказываются возможными в условиях развертывания институционального комплекса редистритбутивной X-экономики. Очевидно, что производство в сложных климатических условиях является более затратным. Для таких стран становится сложным конкурировать с более «везучими» соседями и на рынках продуктов, и на рынках труда. Институциональным ответом на эти обусловленные неблагоприятным климатом внешние и внутренние вызовы становится формирование комплекса институтов, нацеленных на снижение издержек производства общественного продукта, в том числе и за счет «экономии от масштаба»¹⁶, и создание иных условий экономического воспроизводства. Объективная необходимость централизации и взаимосогласованного использования ресурсов находит свое выражение в институтах условной верховной собственности, кооперации, снижения издержек и др.

Действие различной институциональной организации воспроизводственных процессов в X- и Y-экономике проявляется в различии складывающихся воспроизводственных пропорций. В этой связи обратимся к уже много лет

¹⁵ Подробнее методы анализа представлены в (*Кирилюк и др., 2015*).

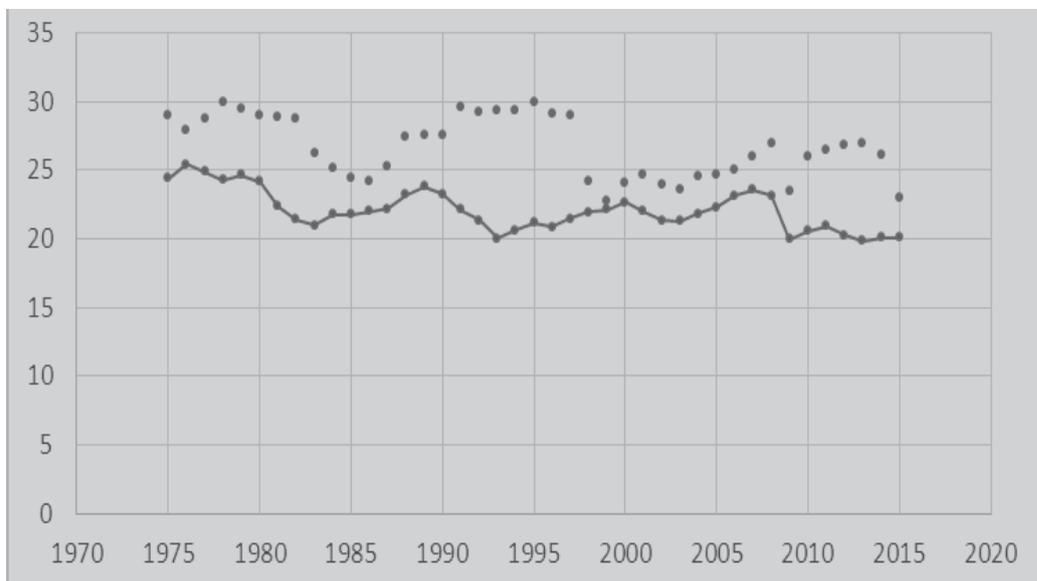
¹⁶ Моделирование экономической самоорганизации экономик, ориентированных на достижение «экономии от масштаба» и характеризующихся наличием отраслей с возрастающей отдачей, представлено в (*Кирдина и Малков, 2010*).

обсуждающемуся феномену различия норм накопления в разных государствах (Кваша и Красовский, 2003; Погосов и Соколовская, 2012; Миркин, 2010; Волынский и Круглова, 2016 и др.). Авторами высказываются различные причины указанных различий. В дополнение к этой дискуссии выскажем предположение, что исторически более высокая норма накопления характерна для стран, в которых воспроизводственные процессы регулируются институтами X-экономики. Причиной этого является необходимость постоянных инвестиций для достижения конкурентно высоких темпов развития в относительно неблагоприятных (по сравнению с Y-странами) условиях ведения хозяйственной деятельности.

На макро-уровне величина валового накопления основного капитала определяется суммой расходов на приобретение основных фондов (при производстве для собственного производства учитываются затраты на производство), чистых изменений (разница между поступлением продукции в запасы и изъятиями из них), и чистых приобретений ценностей, как это предусмотрено Системой национальных счетов от 1993 г. (Уткин, 2016. С. 15). Соотношение величины валовых накоплений и валового внутреннего продукта определяет долю (норму) накопления основного капитала.

Если обратиться к статистике, можно увидеть, что доля валового накопления основного капитала в структуре ВВП в период с 1960 по 2015 гг. находилась в интервале 22,1-25,3% (усредненные значения по миру в целом, The World Bank database), при этом колебания от года к году не превышали 1,2 процента. Другими словами, этот показатель, отражающий пропорции накопления в экономическом воспроизводстве, является достаточно устойчивым.

В то же время отдельный анализ по выборкам, включающим в себя 10 стран с доминированием комплекса X-экономик и 10 стран, где преобладают институты Y-экономики, показывает определенные постоянно воспроизводящиеся различия указанной пропорции (см. рис. 1).

Ряд 1- страны с X-экономикой; Ряд 2 – страны с Y-экономикой.

Рис. 1. Динамика доли валового накопления основного капитала в странах с X- и Y-экономикой, % от ВВП, 1975-2015

Источник: составлено автором.

Для группы X-стран (Бразилия, Китай, Япония, Республика Корея, Перу, Филиппины, Россия, Малайзия, Таиланд, Венесуэла) доля валового накопления основного капитала в ВВП составляет в среднем за период 26.5%. На рис. видно, что величина доли накопления в X-странах обычно выше аналогичных значений для Y-стран. В этой группе стран (Бельгия, Германия, Дания, Испания, Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды, Канада, США) значение доли накопления основного капитала в среднем за период составило лишь 22.8%. Для такого относительного стабильного (в мировом масштабе) показателя, каким является доля накопления основного капитала, постоянно сохраняющиеся различия между группами X- и Y-стран являются серьезным, хотя и косвенным фактором подтверждения гипотезы о различии воспроизводственных пропорций при разной институциональной организации воспроизводства общественного богатства в рассматриваемых типах экономик. Анализ этой проблемы, на наш взгляд, требует пристального внимания и продолжения исследований в этом направлении.

Заключение

Марксова теория воспроизводства общественного богатства формулирует общую модель функционирования и развития абстрактной экономики. Однако «приложение этой модели к историческому пространству определенного общества, а значит, принятие к учету институциональных факторов его жизнедеятельности, позволяет строить частные модели экономики конкретного типа» (Бодриков, 2013. С. 14-15). Выполненный Марксом анализ воспроизводства, хотя и носил условный характер, но был очевидным образом ориентирован на тот тип экономики, которую он называл капиталистической. В отношении других типов экономики аналогичный анализ, похоже, до сих пор не проводился. Это - одно из свидетельств того, что Марксова модель воспроизводства, на наш взгляд, не получила достаточного развития и применения.

Одна из игнорируемых специфик его модели состоит в том, что Маркс, вслед за многими другими представителями классической политической экономии, понимал двойственный характер экономических отношений. Он, с одной стороны, различал в них собственно движение благ (продуктов, работ, услуг) в их вещественном (денежном) выражении и, с другой стороны, (институциональных) форм, в которых это движение происходит. Для западной экономики – от ее докапиталистических стадий до зрелого современного капитализма, - эта двойственность выражается в потребительной и меновой стоимости *товара*. А в чем она выражается в экономиках, которые не принято называть капиталистическими? Одной из задач данной статьи было выявить эту проблему, ее решение – перспективная задача будущих исследований.

В свое время Карл Поланьи писал, что созданная Адамом Смитом теория экономики, в основании которой лежат институты рынка и свойственные ему механизмы спроса - предложения - цены, была не более чем здравым смыслом по отношению к окружающей самого автора реальности (Polanyi, 1977. P. 6-7). Тенденцию отождествлять экономическую деятельность человека с ее рыночной формой Поланьи называл заблуждением «ученых от есopomics» (Полани, 1999. С. 500).

Вообще говоря, при анализе процессов воспроизводства создается впечатление, что марксисты до сих пор закутаны в одежды «марксизма столетней давности». Но гениальный Маркс, как известно, не считал свои построения универсальными. На базе абстрактной теории воспроизводства общественного богатства он предполагал разработку теорий, учитывающих особенности экономической реальности. Это видно из ряда его замечаний, например, такого: «один и тот же экономический базис ... благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаруживать в своем

проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (Маркс, 1988–1989. Т. 3. С. 860. Цит. по: Бодриков, 2013. С. 20). В теории институциональных матриц этот иной, по сравнению с рыночным, экономический базис представлен в модели X-экономики.

В настоящей статье мы постарались показать, что для экономик с доминированием разных институциональных комплексов (X- и Y-экономик) воспроизводство общественных благ опирается на различные структуры экономических институтов. В своем анализе 130 лет назад Маркс показал лишь одну из возможных форм институциональной организации, характерную для торговых (рыночных) Y-экономик. Мы доказываем, что комплекс X-экономик, формирующийся в условиях внешних и внутренних вызовов более сурового климата, опирается на иные институты и формирует несколько иные воспроизводственные пропорции. Закончим статью еще одной ссылкой на М. В. Бодрикова, статья которого, опубликованная на страницах этого журнала три года назад, послужила «отправной точкой» для ряда представленных в нашей работе соображений. Очевидно, что «общественное богатство в целом воспроизводится в строгом соответствии с логикой своего экономического устройства» (Бодриков, 2013. С. 27), и понять особенности этого экономического устройства является актуальной, особенно в условиях России, научной и практической задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басовская Н. И. и Венедиктов А. А. (2007). Карл Маркс (из цикла «Все так») // *Эхо Москвы*, 02.09.2007.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М: Дело ЛТД, 720 с.
- Бодриков М. В. (2013). Институциональные основания классической политической экономии // *Журнал институциональных исследований*, Т. 5, № 4, с. 13-35.
- Бочко В. С., Татаркин А. И. и Берсенёв В. Л. (2015). Судьба политической экономики в условиях современных исторических вызовов: продолжение кризиса или начало возрождения? // *Журнал экономической теории*, № 3, с. 28-41.
- Булгаков С. Н. (2006). Классическая школа и историко-этическое направление в политической экономии // *От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии*. 1895-1903. М.: Астрель, 1008 с., с. 170-185.
- Волынский А. И. и Круглова М. С. (2016). Показатели воспроизводства основных фондов в национальных системах статистики КНР и СРВ // *Вестник Института экономики*, № 6.
- Глазьев С. Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке // *Государственное управление. Электронный вестник*, № 56, с. 5-39.
- Кваша Я. и Красовский В. (2003). Капитальное строительство и накопление. В кн.: «Я. Б. Кваша. Избранные труды». Т. 2. М.: Наука, 503 с.
- Кирдина С. Г. (2004). X- и Y-экономики: институциональный анализ. М: Наука, 256 с.
- Кирдина С. Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*, № 10, с. 66-89.
- Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X- Y-теорию. М.-СПб: Нестор-История, 468 с.
- Кирдина С. Г. (2016). Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксной экономике // *Пространственная экономика*, № 3, с. 133-150.
- Кирдина С. Г., Кузнецова А. Н. и Сенько О. В. (2015). Климат и институциональные матрицы // *СОЦИС*, № 9, с. 3-13.

- Кирдина С. Г. и Малков С. Ю. (2010). Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 69 с.
- Кирилюк И. Л., Волынский А. И., Круглова М. С., Кузнецова А. В., Рубинштейн А. А. и Сенько О. В. (2015). Эмпирическая проверка теории институциональных матриц методами интеллектуального анализа данных // *Компьютерные исследования и моделирование*, Т. 7, № 4, с. 923-933.
- Ларшина Т. Л. (2015). Развитие теории воспроизводства // *Социально-экономические явления и процессы*, Т. 10, № 11, с. 68-73.
- Маевский В. И. (2012). О переключающемся режиме воспроизводства // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 1, с. 11-19.
- Маевский В. И. (2014). Экономические основы макроэкономической теории воспроизводства // *Экономическая наука современной России*, № 1(64), с. 12-21.
- Маевский В. и Малков С. (2013). Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М, 238 с.
- Маевский В. И., Малков С. Ю. и Рубинштейн А. А. (2016). «Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение». М., С-Пб.: Нестор-История, 260 с.
- Маркс К. (1988–1989 [1867–1894]). Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат. Т. 1, 891 с. Т. 2 (Под ред. Ф. Энгельса), 654 с. Т. 3 (Под ред. Ф. Энгельса), 1078 с.
- Медведев Р. и Медведев Ж. (2007). Неизвестный Сталин. 3-е изд. М.: Время, 745 с.
- Менгер К. (2005 [1871]). Основания политической экономии // *Избранные работы*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 496 с., с. 57-286.
- Миркин Я. М. (2010). Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: Еврофинансы, 629 с.
- Нельсон Р. и Уинтер С. Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 536 с.
- Нешиной А. С. (2016). Современный экономический кризис с позиций теории воспроизводства // *Журнал экономической теории*, № 3, с. 82-92.
- О'Хара Ф. (2009). Современные принципы неортодоксальной политической экономии // *Вопросы экономики*, № 12, с. 38-57.
- Полани К. (1999). Два значения термина «экономический». В: Неформальная экономика. Россия и мир. / Под ред Т. Шанина. М.: Логос, с. 505-513
- Погосов И. А. и Соколовская Е. А. (2012). Источники финансирования модернизации экономики. М.: Институт экономики РАН, 54 с.
- Смит А. (2007 [1776]). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 960 с.
- Уткин Б. Е. (2016) Динамика инвестиций в основной капитал ведущих стран мира // *Экономическая теория*, № 1(134), с. 14-19.
- Фролов Д. П. (2015). Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // *Пространственная экономика*, № 1, с. 14–37.
- Ходжсон Дж. (2003 [1988]). Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М.: Дело, 464 с.
- Basu D. (2014). Comparative Growth Dynamics in a Discrete-time Marxian Circuit of Capital Model // *Review of Radical Political Economics*, no. 46(2), pp. 162-183.
- Beyond Marx: Theorising the Global Labour Relations of the Twenty-First Century.* / Eds.: M. Linden M. and Roth K. H. (2013). Leiden and Boston: Brill, 546 p.
- Contemporary Capitalism and its Crises. Social Structure of Accumulation Theory for the 21st Century (2010). / Eds. Terrence McDonough T., Reich M. and Kotz D. M. Cambridge: Cambridge University Press, xiv + 360 p.

Diaz E. and *Velasco F.* (2016). The Transformation of Values into Prices of Production in Marx's Scheme of Expanded Reproduction // *Review of Radical Political Economics*, September, no. 48(3), pp. 394-416.

Fine B. (2012). Economic Reproduction and the Circuits of Capital. In: *The Elgar Companion to Marxist Economics*. / Eds. Fine, A. Saad-Filho and M. Boffo. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 111-117.

Kurz H. D. and *Salvadori N.* (2005). Representing the Production and Circulation of Commodities in Material Terms. On Sraffa's Objectivism // *Review of Political Economy*, no. 17(3), pp. 413-441.

Lee F. C. (2008). «Heterodox economics» // *The New Palgrave Dictionary of Economics*, 2nd Edition, vol. 4, pp. 2-65.

Marx, Veblen, and the Foundations of Heterodox Economics: Essays in Honor of John F. Henry (2015). / Eds. Tae-Hee Jo, Frederic Lee. London: Routledge, 364 p.

O'Hara P. A. (2000). Marx, Veblen, and Contemporary Institutional Political Economy. Principles and Unstable Dynamics of Capitalism. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 353 p.

Olsen E. K. (2015). Unproductive Activity and Endogenous Technological Change in a Marxian Model of Economic Reproduction and Growth // *Review of Radical Political Economics*, no. 47(1), pp. 34-55.

Passarella M. V. (2017). Monetary Theories of Production. In: *The Routledge Handbook of Heterodox Economics*. / Eds. Tae-Hee J., Chester L., D'Ippoliti C. (2017). London, Routledge, forthcoming.

Polanyi K. (1977). *The Livelihood of Man* (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc., 280 p.

REFERENCES

Basovskaya N. I. and *Venediktov A. A.* (2007). Karl Marx (from the series «Everything is so»). *Echo of Moscow*, 02.09.2007. (In Russian).

Basu D. (2014). Comparative Growth Dynamics in a Discrete-time Marxian Circuit of Capital Model. *Review of Radical Political Economics*, no. 46(2), pp. 162-183.

Beyond Marx: Theorising the Global Labour Relations of the Twenty-First Century. / Eds.: M. Linden M. and Roth K. H. (2013). Leiden and Boston, Brill, 546 p.

Blaug M. (1994). *Economic thought in retrospect*. Moscow, LTD Case [Delo] Publ., 720 p. (In Russian).

Bohco V. S., *Tatarkin A. I.* and *Bersenev V. L.* (2015). The fate of political economy in the present historical challenges: the continuation of the crisis or the beginning of the revival? *Journal of Economic Theory*, no. 3, pp. 28-41. (In Russian).

Bodrikov M. V. (2013). Institutional foundations of classical political economy. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 4, pp. 13-35. (In Russian).

Bulgakov S. N. (2006). Classical school, historical and ethical trend in political economy // *From Marxism to idealism. Articles and Reviews*. 1895-1903. Moscow, Astrel Publ., 1008 p., pp. 170-185. (In Russian).

Contemporary Capitalism and its Crises. Social Structure of Accumulation Theory for the 21st Century (2010). / Eds. Terrence McDonough T., Reich M. and Kotz D. M. Cambridge, Cambridge University Press, xiv + 360 p.

Diaz E. and *Velasco F.* (2016). The Transformation of Values into Prices of Production in Marx's Scheme of Expanded Reproduction. *Review of Radical Political Economics*, September, no. 48(3), pp. 394-416.

Fine B. (2012). Economic Reproduction and the Circuits of Capital. In: *The Elgar Companion to Marxist Economics*. / Eds. Fine, A. Saad-Filho and M. Boffo. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 111-117.

Frolov D. P. (2015). Do institutions matter in spatial economics? *Spatial Economics*, no. 1, pp. 14-37. (In Russian).

Glazyev S. Y. (2016). A new paradigm in economic science. *Public Administration. Electronic Bulletin*, no. 56, pp. 5-39. (In Russian).

- Hodgson G.* (2003 [1988]). *Economic theory and institutions: A Manifesto of modern institutional economics* / Transl. from English. Moscow, Case [Delo] Publ., 464 p. (In Russian).
- Kirdina S. G.* (2004). X- and Y-Economy: an institutional analysis. Moscow, Science [Nauka] Publ., 256 p. (In Russian).
- Kirdina S. G.* (2013). Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 66-89. (In Russian).
- Kirdina S. G.* (2014). The institutional matrices and the development of Russia. Introduction to X-Y-theory. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 468 p. (In Russian).
- Kirdina S. G.* (2016). Institutions and geography in economic development: a heterodox economic discussion. *Spatial Economics*, no. 3, pp. 133-150. (In Russian).
- Kirdina S. G., Kuznetsova A. N. and Senko O. V.* (2015). Climate and institutional matrices. *SOCIS*, no. 9, pp. 3-13. (In Russian).
- Kirdina S. G. and Malkov S. Y.* (2010). Two self-organisation mechanisms of economy: modeling and empirical verification. Moscow, Publ. House of Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 69 p. (In Russian).
- Kiriyuk I. L., Volynsky A. I., Kruglova M. S., Kuznetsova A. N., Rubinstein A. A. and Senko O. V.* (2015). An empirical test of the theory of institutional matrices using data mining techniques. *Computer Studies and Modeling*, vol. 7, no. 4, pp. 923-933. (In Russian).
- Kurz H. D. and Salvadori N.* (2005). Representing the Production and Circulation of Commodities in Material Terms. On Sraffa's Objectivism. *Review of Political Economy*, no. 17(3), pp. 413-441.
- Kvasha Ya. and Krasovsky V.* (2003). Capital formation and accumulation. In: «Ya. Kvasha. Selected Works», vol. 2. Moscow, Science [Nauka] Publ., 503 p. (In Russian).
- Larshina T. L.* (2015). Development of the theory of reproduction. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, vol. 10, no. 11, pp. 68-73. (In Russian).
- Lee F. C.* (2008). «Heterodox economics» // *The New Palgrave Dictionary of Economics*, 2nd Edition, vol. 4, pp. 2-65.
- Marx K.* (1988-1989 [1867-1894]). *Capital. Critique of Political Economy*. Moscow, Politizdat, vol. 1, 891 p.; vol. 2 (eds. Engels), 654 p.; vol. 3 (eds. Engels), 1078 p. (In Russian).
- Marx, Veblen, and the Foundations of Heterodox Economics: Essays in Honor of John F. Henry (2015). / Eds. Tae-Hee Jo, Frederic Lee. London, Routledge, 364 p.
- Mayevsky V. I.* (2012). About shifting mode of reproduction. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 1, pp. 11-19. (In Russian).
- Mayevsky V. I.* (2014). The economic foundations of macroeconomic theory of reproduction. *Economic Science of Modern Russia*, no. 1(64), pp. 12-21. (In Russian).
- Mayevsky V. and Malkov S.* (2013). A new look at the theory of reproduction. Moscow, INFRA-M Publ., 238 p. (In Russian).
- Mayevsky V. I., Malkov S. Y. and Rubinstein A. A.* (2016). A new theory of the reproduction of capital: development and practical application. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 260 p. (In Russian).
- Medvedev R. and Medvedev J.* (2007). *Unknown Stalin*. 3rd ed. Moscow, Time [Vremya] Publ., 745 p. (In Russian).
- Menger K.* (2005 [1871]). *Foundations of Political Economy // Selected Works*. Moscow, Publ. House «The Territory of the Future», 496 p., pp. 57-286. (In Russian).
- Mirkin Ya. M.* (2010). The financial future of Russia: the extremes, booms, systemic risks. Moscow, Eurofinances, 629 p. (In Russian).
- Nelson R. and Winter S. J.* (2002). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow, Case [Delo] Publ., 536 p. (In Russian).
- Neshitoy A. S.* (2016). The current economic crisis from the standpoint of the theory of reproduction. *Journal of Economic Theory*, no. 3, pp. 82-92. (In Russian).

O'Hara P. A. (2000). Marx, Veblen, and Contemporary Institutional Political Economy. Principles and Unstable Dynamics of Capitalism. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publishing, 353 p.

O'Hara P. (2009). Contemporary Principles of Heterodox Political Economy. *Voprosy Ekonomiki*, no. 12, pp. 38-57. (In Russian).

Olsen E. K. (2015). Unproductive Activity and Endogenous Technological Change in a Marxian Model of Economic Reproduction and Growth. *Review of Radical Political Economics*, no. 47(1), pp. 34-55.

Passarella M. V. (2017). Monetary Theories of Production. In: The Routledge Handbook of Heterodox Economics. / Eds. Tae-Hee J., Chester L., D'Ippoliti C. (2017). London, Routledge, forthcoming.

Pogosov I. A. and Sokolovskaya E. A. (2012). Sources of financing modernization of the economy. Moscow, Publ. House of Institute of Economics RAS, 54 p. (In Russian).

Polanyi K. (1977). The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y., Academic Press, Inc., 280 p.

Polanyi K. (1999). The two meanings of the term of «economic» In: Informal Economy. Russia and the World. / Ed. by Shanin T. Moscow, Logos Publ., pp. 505-513. (In Russian).

Smith A. (2007 [1776]). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow, Eksmo Publ., 960 p. (In Russian).

Utkin B. E. (2016). The dynamics of investment in fixed assets of the leading countries of the world. *Economic Theory*, no. 1(134), pp. 14-19. (In Russian).

Volynsky A. I. and Kruglova M. S. (2016). Indicators of reproduction of fixed assets in the national statistical systems of China and Vietnam. *Vestnik of the Institute of Economics*, no. 6. (In Russian).